

ЭТА ПЕВИЦА — сухая напасть. Ее хриплый голос, который словно жалит, ее «ужимки и прыжки», в которых столько плутовства, сводят с ума мужчин. Она поет им про воскресные туманы, про тайные свидания и ложь во имя любви, и они уже готовы следовать за ней по пятам, внимать любому ее куплету, пусть в куплетах этих все старо как мир. Они ослеплены ею, оглушены, одурманены ароматом сигарет и «тяжелых» духов. Но от мужчин в этом поклонении не отстают и их дамы, а также юные отпрыски. Что и говорить, Патрисия Каас никого не оставляет равнодушным, никому не дает ускользнуть от своего очарования. Ее первый диск-гигант разошелся миллионным тиражом. Вся Франция от мала до велика, забыв о конфликте поколений, мурлычет ее шлягеры, которые по музыкальному жанру находятся где-то между стилем «госпэл сонгз» и народной застольной и текст которых весьма незатейлив. Наслаждение, с каким «мадемуазель поет блюз» (таково название одной из самых популярных песен Каас), явно заразительно.

Ей уже успели подобрать сравнения: пластична, как Лайза Минелли, магнетична, как Марлен Дитрих. Но она не спешит угнаться за «звездами», что безусловно было бы профессиональной ошибкой, и, делая первые шаги на сцене, нащупывает собственный образ. Пока его характерными признаками можно назвать элемент хореографии, который Каас вводит в свое исполнение, и особую выразительность тела, которое напрягается, будто пружина, чтобы вытолкнуть наружу этот необычный, напомерно сильный для такого хрупкого «сосуда» голос.

Наша «мадемуазель» — не из числа тех эстрадных певчих, кого принято называть «расфасованным и упакованным продуктом» (имеется в виду творческая несамостоятельность, шаблонность). Например, пение под фонограмму она совершенно не признает. «Ну как же так, ведь на телевидении это практически обязательно для всех?» — недоуменно говорят ей. «Подумаешь!» — отвечает она. После двух лет, отданных записи шлягеров, которые специально для нее «выпекал» авторский дуэт в составе Франсуа Бернема (музыка) и Дидье Барбелльена (слова), наполненных эмоциями по поводу приговора ей различных призов (в том числе престижнейшей премии Музыкальной академии Шарля Кро), она уже стора от нетерпения «скорее начать заниматься своим делом, как положено».

У меня уже начал вырабатываться комплекс неполноценности: вроде бы певица, а петь не дают... Сцена — это совсем ведь не то, что студия грамзаписи или площадка для съемок нового клипа...

А ведь она знает, о чем говорит. В 24 года у нее за плечами, как это ни смешно звучит, солидный сценический опыт. В

Молодой Молдавии, Кишинев, 1990, 17 июля, с. 5

МАДЕМУАЗЕЛЬ, ПОЮЩАЯ БЛЮЗ

Пятьдесят «рэ» — и ни копейкой меньше. Черт знает куда, на галерку, на самый последний ряд, откуда сцена — чуть больше кошелька советского инженера, откуда певицу увидишь разве что в армейский полевой бинокль.

Но публика не мелочилась. Билеты выхватывали, с криком, с гамом, с руганью и слезами тех, кому не досталось. Счастливчики победно следовали сквозь прочный милицкий кордон, оборонявший московский спортивно-зрелищный комплекс «Олимпийский» от напавших масс.

Вот так во взвинченной от вечного безденежья и беспродуктовья, севшей на перестроенные карточки столице проходили концерты Патрисии Каас. Хотя б на полтора часа забыться, выключиться от безумной, бесчеловечной гонки,

утонуть в ароматах любви, нежности, ревности, с головой уйти в чувственные, азартные, истомленные, эротичные мелодии французских шансон — и услышать ЕЕ, первую, как утверждают сегодня, звезду не только французской, но и европейской астрады.

Полтора часа — живьем, без малейшего перерыва, на нерве, с пряным парижским шармом. Весь «Олимпийский» орал, будто раненый зверь, когда гасли прожектора и конференсье намеревался объявить об окончании представления — орал, свистел, топал ногами, зрители влезали друг другу на плечи. Солидные дамы весьма экстравагантно выглядели на загривках у собственных мужей. Патрисия возвращалась — и все начиналась сызнова. Блюз истомы и любви...

семь лет она участвовала в детском конкурсе песни в Лотарингии, где жила ее семья. В девять — создала собственную группу, называющуюся «Блэк Флауэрз» («Черные цветы») и по субботам развлекавшую народ на вечеринках песенками из репертуара популярных исполнителей. А уже в тринадцать — выступала в ночных кабаре, под неусыпным, однако, одобряющим оком своей мамы — немки по происхождению, которая в свое время тоже мечтала об эстрадной карьере. Отец же ее работал на шахте, как большинство мужчин в округе. Они-то и

составляли в основном публику этих заведений, расположенных вдоль франко-западногерманской границы...

Для полноты картины ее отроческих лет добавим, что в семье шахтера было семеро детей, и она была самой младшей. Ну, как с такой биографией не претендовать на особое место под огнями ramпы — место продолжательницы «линии» Эдит Пиаф? Сравнение с великой певицей ей, конечно, льстит. Однако без кокетства и без ложной скромности она возражает:

— Пиаф — это Пиаф, а я — это я.

Оказывается, что у нее другие кумиры и образцы для подражания. Кто же именно? — Клод Франсуа. Ну что ж, чувство ритма в ней развито не меньше, что же касается голосовых связок, то тут она его раз в десять превосходит.

— Знаете, песня — это вся моя жизнь! — эти слова она с жаром произносит уже напоследок, будто желая что-то прояснить.

Но разве это не ясно? («Экспресс», Париж).

На снимке: Патрисия Каас.